

М.В. Захарченко

Развитие ценностного отношения
к традиционным религиям России
в процессе формирования
толерантности средствами
образования

Опубликовано:
Христианское чтение. 2008. № 29. С. 140-151

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2013

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРАДИЦИОННЫМ РЕЛИГИЯМ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СРЕДСТВАМИ ОБРАЗОВАНИЯ

Развитие толерантности является условием решения важнейших задач, связанных с сохранением человечества в процессе глобализации. Проблематика толерантности отображает цивилизационную основу процесса глобальной трансформации мира, которую мы сегодня переживаем.

В гуманитарной сфере направление исследований и целеполагание проектной мысли связано с ценностной позицией субъекта. В отношении процесса глобализации мы можем выделить две различные ценностные позиции. Сторонники одной полагают, что системы высших жизненных ценностей, выработанные различными культурными мирами в процессе исторического развития, не подлежат изменению в процессе глобализации. Процесс унификации охватывает только структуры техносферы, мир остается поликультурным, интенсификация общения различных культур не разрушает идентичности каждой из них. Сторонники другой позиции полагают, что глобализация техносферы сама по себе носит ценностный характер и ведет к переопределению ценностных систем различных культур, к их сближению и унификации. Человек глобальной цивилизации не имеет какой-то определенной культурной идентичности, не связан никакой определенной этнической принадлежностью.

Обе эти перспективы нашли свое выражение в конкретных подходах, дискуссиях, проектах и событиях, заявленных и совершающихся в рамках реализации программы толерантности.

С нашей точки зрения, наиболее эффективный путь развития толерантности предполагает опору на культурную традицию Отечества, актуализацию ее потенциала, использование ее ресурсов. Однако в русле программы заметен также противоположный подход: его сторонники отрицают возможность опоры на отечественную культурную традицию в процессе развития толерантности и формируют ее имидж как «традиции интолерантности». Приведу характерный пример высказывания с сайта «Толерантность в России: свои и чужие»: «Почти все эксперты признают, что особенности российской и советской истории, связанные с имперским прошлым и советской национальной политикой, во многом обусловили существующие в современном российском обществе формы расизма и расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости. К изначальным предпосылкам ксенофобии (...) могут быть отнесены традиции и представления роли и идеологии русского (позже российского) государства: Россия — наследница Византии, Москва — «третий Рим», абсолютная истина — в Православии. После революции 1917 года официальная советская идеология фактически санкционировала

существование ксенофобии как таковой. Советский Союз и созданное в его рамках общество были провозглашены высшим достижением человеческой мысли и практики. На смену Православию пришел государственный атеизм: «чужаком» стал верующий. В общественном сознании культивировалась социальная фобия, наиболее законченной интерпретацией которой стала сталинская идея обострения классовой борьбы. Под прикрытием борьбы с национализмом культивировался антисемитизм. Этнофобии развивались с санкции государства и по отношению к жителям Средней Азии, Кавказа. «...» Такая тенденция наблюдается и сейчас.» (Сайт «Толерантность в России: свои и чужие»). Очевидно, что рассуждение этого типа необходимо приводит к выводу, что формирование толерантности предполагает применение «стратегии сдерживания» к отечественной культурной традиции, к ее доминантным идеям и ценностям.

Мы, напротив, утверждаем, что культурная традиция, выработанная в отечественной цивилизационной перспективе, заключает в себе могучие ресурсы развития толерантности. В силу идеологической инерции ведущие ее идеи и ценности — Православие, самодержавие, народность, империя, — сегодня зачастую еще несут негативную смысловую нагрузку. Между тем, эти идеи и ценности заключают в себе высокий конструктивный потенциал. Едва ли беспристрастный исследователь сможет отрицать, что заповедь ценности человеческой жизни, наука и практика терпения, милосердия, внимания к нуждам другого человека, воспитание интереса к его внутреннему миру, соучастие в его судьбе, — что все эти темы имеют своим источником учение христианства и получили свое выражение и развитие в культуре народов, прошедших школу христианской традиции. Также и имперская идея в ее историческом осуществлении дает множество примеров подлинной веротерпимости и этнической толерантности. Зримые доказательства тому являет Санкт-Петербург: магистраль имперской столицы собрала на одной «перспективе» Православную, лютеранскую, армянскую церковь; в красивейшем месте столицы, прямо напротив символа города — Петропавловской крепости — разместились мечеть, крупнейшая на Севере Европы, подлинное произведение искусства архитектуры. Идеи самодержавия и народности выражают веру в плодотворность усилий человека к добру, в действенность идеалов добра и справедливости в историческом бытии народов, в возможность обуздания импульсов вражды, насилия и разрушения, непрестанно возобновляющихся в исторической ткани событий.

Эти идеи, составившие крепость наших культурных традиций, позволили создать и сохранить многонациональную и многоконфессиональную российскую цивилизацию, приобрести опыт многовековой совместной жизни этносов и конфессий в мире и согласии. Эти традиции стали заметной чертой ментальности граждан России, преемственно передающейся из поколения в поколение. Наши опросы среди учащейся молодежи показывают, что большинство молодых людей

связывает национальную идею России с такими ценностями как содружество различных народов, общность судьбы на родной земле, вера в добро и справедливость, воспроизводя главные концепты Конституции, включенные в ее Преамбулу.

Декларация принципа верности цивилизационным основам закреплена в Преамбуле Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, соединяя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем *Конституцию Российской Федерации*».

Национальная доктрина образования усиливает те аспекты Конституции РФ, в которых основанием современного российского образования полагается идея исторической преемственности поколений, закрепления в череде поколений ценностей, определяющих самобытное лицо отечественной культуры.

Национальная доктрина прямо возвращается к пониманию воспитания, свойственному русским мыслителям — традиционалистам. Его отчетливо выразил А.С. Хомяков, определив идею воспитания в контексте исторической преемственности поколений: воспитание, говорит он, есть действие, посредством которой одно поколение приуготовляет следующее за ним к деятельности на историческом поприще отцов.

Сегодня цель обеспечения исторической преемственности поколений не сводится к решению простой задачи поддержания естественно-исторического культуротворческого процесса. Она образует содержательную проблему восстановления прерванной преемственности поколений, так как естественно-исторический процесс наследования культуры в XX веке был подвергнут масштабному социальному эксперименту «культурной революции» и «формирования нового человека». Годы официального атеизма привели к насильственному отлучению народа от нашего культурного наследия. Было сделано все для того, чтобы вычеркнуть веру и Церковь из российской истории, из сознания россиян, поселить недоверие к ней. Целенаправленно готовились учителя и воспитатели, которые должны были стоять на позиции активного неприятия всего, проистекающего из религиозной веры и рождаемого верующим сознанием.

Сегодня задача воспитания религиозной толерантности должна ставиться и решаться в общем контексте преодоления наследия воинствующего атеизма. Необходимо формировать не только терпимость религиозных конфессий друг к другу, но и взаимное приятие верующих и атеистов. Согласно опросам ВЦИОМ,

мировоззренческий плюрализм в процентном отношении выглядит в России следующим образом: 63% — православные, 16% — атеисты, 11% — верующие вне конфессий, 6% — мусульмане, 1% — буддисты, 1% — иудеи, 1% — католики. Следует, возможно, говорить о мировоззренческой толерантности, включая в общее поле носителей всех мировоззрений, проявивших себя в современной России.

Россия сегодня — это государство, в котором утверждаются нормы веротерпимости и свободы совести. Атеисты, свободомыслящие и носители того или иного религиозного вероисповедания должны научиться сотрудничать в одном общем поле культуры. Для того, чтобы уважать друг друга, нужно знать друг друга. Школа же — врата знания для каждого члена общества. От того, какие первичные понятия и воззрения преподаются в школе, во многом зависит общий культурный климат в стране. Сегодня государственная школа должна найти новый тон в трактовке мировоззренческих вопросов. Содержание школьного образования может и должно быть восполнено знаниями о религиозных традициях, лежащих в основе культуры России. Необходимо, сообразуясь с духом и буквой российского законодательства в области религий и идеологий, раскрыть цивилизационное значение Православия для всех народов нашей страны и культуuroобразующее значение традиционных религий — ислама, буддизма, иудаизма, для крупных этносов России. Важно показать, что народы нашей страны имеют традиции веротерпимости, уходящие в глубину столетий, что мы веками жили в мире и согласии и у нас есть культурные ресурсы, опираясь на которые мы сегодня можем преодолеть тревожные тенденции к религиозному экстремизму. В меньшей степени необходимо формировать средствами образования понимание деструктивных форм, в которых может проявляться религиозная активность человеческих общностей. Обновляя содержание образования, важно освободить его от идеологического диктата атеистического мировоззрения.

Приоритеты развития, указанные в разделе «Основные цели и задачи образования» Национальной доктрины, позволяют осмыслить диалектику целей образования, определяемую нашей сегодняшней историко-культурной реальностью. Сегодня среда возрастания новых поколений поликультурна, мы живем в обстановке интенсивного взаимодействия, осуществляемого как в непосредственном взаимодействии людей, принадлежащих разным культурам, так и опосредованно, в открытом мировом информационном пространстве. Очевидно, что такая среда настоятельно требует воспитания в человеке способности к диалогу, к пониманию иных, нежели его собственные, взглядов, систем ценностей и жизненных перспектив. Эта проблема получила свое выражение в программе воспитания толерантности, в идеях диалога, завоевывающих все большую симпатию в системе образования. Но возможен ли диалог культур между сторонами, которые не являются носителями никакой культуры? Поэтому воспитание культурной идентичности — это не менее важное требование, определяющие цели образования.

Становление культурной идентичности в современной ситуации поликультурной среды возрастания осуществляется не в замкнутой монокультурной среде, а в среде межкультурного взаимодействия. Культурная идентичность и межкультурный диалог — не две самостоятельные, исключаящие одна другую воспитательные задачи, но две стороны единого диалектически организованного процесса образования современного человека. Осознание себя в качестве носителя определенной культуры, с одной стороны, и способность дружественно и заинтересованно взаимодействовать с носителями других культур — обе эти черты должны гармонично сочетаться в личности современного человека, образуя его культурное самосознание.

Эта ситуация, на наш взгляд, требует радикальной переоценки педагогической методологии изучения религии в школе, поскольку становление этнической и цивилизационной идентичности предполагает формирование осмысленного отношения к религии, лежащей в основе этноса и цивилизации. Сегодня в России вопрос об изучении религии ставится в форме «или-или»: или вероучительный предмет по типу дореволюционного «закона Божия», или «история религий» как «объективное изучение всех религий». Первая альтернатива неприемлема ни для атеистов, ни для верующих: вероучительный предмет не имеет смысла для тех, кто не включен в практику церковной жизни, он не может преподаваться как общий для всех учебный курс в государственной школе. Вторая альтернатива не имеет перспективы: школьный учебный план не может вместить в себя все многочисленные специализации современного научного знания; за место в «сетке часов» с религиоведением конкурируют психология, социология, культурология, этнология, искусствоведение, философия, этика и т.п.

Сегодня, на наш взгляд, проблему религиозного образования необходимо решать в радикально новой педагогической перспективе. Религию нужно изучать не как одну из академических дисциплин, но как факт истории, культуры и живой общественной жизни, способствуя тому, чтобы учащиеся могли самостоятельно вырабатывать ценностное отношение к ней, принимая во внимание не только историческую ретроспективу, но также этическую и метафизическую ее перспективу.

В этом случае требуется полидисциплинарный подход и специфические личностно-ориентированные педагогические методы, усиливающие ценностно-смысловой компонент в содержании образования

Такой подход отвечает магистральным тенденциям трансформации содержания образования. Европейская школа на протяжении тысячелетий, начиная с античной классики, в структуре содержания образования повторяла структуру академических дисциплин. Со сменой исторических эпох менялась структура академического знания, но сохранялся ее изоморфизм структуре знания школьного. Школьный предмет «закон Божий» собирает в себе элементы систематического

богословского знания, как оно бытует в Духовных академиях и университетах (в Европе до сих пор теологический факультет входит в состав светских университетов, в том числе педагогических). Он включает в себя элементы Священной истории (библейстики), катехизиса, истории Церкви, агиографии, литургики, подобно тому как школьный курс физики включает в себя элементы академического физического знания: механику, электричество и магнетизм, теорию твердого тела, гидродинамику и пр. Предполагаемая же «история религий» должна, по замыслу, включать в себя редуцированный курс достаточно новой научной дисциплины «Религиоведение», которая формируется в эпоху великих перемен (а это весь XX век), в утренних сумерках «постнеклассической науки» и представляет собой не развернутую в систему дисциплин научную область, как это характерно для классической эпохи, но рефлексивно свернутую на специфический предмет систему методов, генетически связанных с другими предметными областями — психологией, социологией, этнографией, философией, этикой, историей. Оснований, почему предлагается именно «история религий», нет. С иной точки зрения, возможно, было бы целесообразней предложить «религиозную этику» или «религиозное искусство». Весь вопрос в том, какова именно эта точка зрения. Если перспективу задавать исходя из педагогической целесообразности, то следует размышлять не о проекции постнеклассической научной дисциплины «религиоведение» в структуру учебного плана, а разрабатывать школьный предмет, например «религиозная культура» или «духовно-нравственная культура», основываясь на специфически педагогических представлениях.

Дело в том, что «постнеклассическая» трансформация существенно изменила представление об изоморфизме структур научных и школьных дисциплин. Первопроходцем здесь следует назвать Дьюи. Он, чутко уловив стремительную спецификацию новой науки и поворот ее вектора от идей «целостного мировоззрения» к идеям метода, прагматики и технической целесообразности, декларировал автономию школы и предложил идею «опыта» в качестве интегрирующей педагогической идеи. Педагогика автономизировалась от науки: задача школы не в том, чтобы воспроизводить в сознании школьников «научную картину мира», которая все более размывалась, но в том, чтобы осваивать методы взаимодействия с миром, которые вырабатывает наука, и интегрировать их на основании опыта жизни и деятельности. При этом вектор интеграции методов в науке направлен в сторону формирования совокупности методов, наиболее эффективных для исследования специфических, новых, попадающих в поле внимания исследователей предметов. Вектор же интеграции в педагогике подчиняется другим задачам: он направлен в сторону интеграции личности, обретения ею устойчивых доминант самостояния в мире и палитры способов взаимодействия с миром. Такова главная методологическая идея Дьюи, обладающая непреходящим значением, конкретное же решение, им предложенное, исторически относительно.

Академик В.С. Леднев предложил идею структурирования учебного плана по образовательным областям. Идея образовательной области предполагает изоморфизм структуры личности, структуры культуры и структуры учебного плана. Цель образования состоит в трансляции полноты культуры из поколения в поколение. Структуры «объективированной» культуры в процессе образования преобразуются в структуры личности, способной действовать согласно формам, нормам и принципам культуры.

В этом подходе религия оказывается востребована в наиболее важной образовательной области — в сфере духовно-нравственной культуры личности, там, где человек испытывает важнейшие смыслы бытия, определяет собственные ценностные ориентиры, соотносит себя с другими, осмысляет основания ответственных поступков.

Школа должна позаботиться о том, чтобы эти размышления человек мог совершать в Большом Контексте культуры. Эту категорию предложил М. Бахтин, раскрывая этот контекст как совокупность осуществленных смыслов бытия, выраженных в текстах культуры, каждый из которых свидетельствует о событии личности, ее «со-бытии» с миром, Богом, другими людьми, о совершенных выборах и ответственных поступках. Большой контекст культуры глубинно определяется религиозными традициями, контекст отечественной культуры — традицией Православия в самой большой степени.

В таком ракурсе задача религиозного образования состоит не в том, чтобы сообщить учащимся определенные догматы или познакомить их с обычаями, которых придерживались люди отдаленных миров и эпох, но включить в контекст их размышления о смысле бытия религиозные перспективы. В этом случае, не отнимая свободы ценностного самоопределения у школьников, мы задаем масштаб этого самоопределения, который соразмерен культуре, наследовать которую они призваны.

Учитель — один из первых, кто являет растущему человеку облик культуры, раскрывает становящемуся сознанию ее перспективы. Важно, чтобы этот облик был целостен и перспективы не искажены. Особенно это важно сегодня, в годы стремительной трансформации отношений в обществе. Единственное основание, на котором может быть обретена устойчивость в хаосе — это духовная свобода. Духовная свобода человека проявляется прежде всего в том, что мировоззрение, которое он обретает в процессе становления, выработано им самим, он знает его как драгоценный плод духовных опытов, испытаний, утрат и обретений. Мы уверены, что опыт встречи с Православной Церковью на этом пути необходим для человека нашей культуры.

В системе светского воспитания во главу угла ставится вопрос об уважении мировоззренческого выбора семьи. Семья может сделать атеистический выбор, выбор в пользу того или иного религиозного исповедания, или в пользу

свободомыслия — это ее право. Общественное воспитание не должно быть противопоставлено семейному, в детях необходимо воспитывать понимание позиции другого человека, уважение к разности мировоззрений. А это значит, что современный учитель должен научиться работать с мировоззренческим и смысловым содержанием, руководствуясь принципами диалогового общения, не абсолютизировать свой опыт, уважать опыт детей, открывать для них путь к духовному опыту наших предков.

Для этого в системе постдипломного образования педагогов используются интерактивные педагогические методы, позволяющие приобрести навык внимательного слушания другого человека, осмысления собственного опыта постижения традиции и соотнесения его с опытом другого человека.

Освоение этой перспективы, однако, требует решительного изменения в отношении к традиционным религиям, качественного изменения уровня (или типа) толерантности в отношении к ним. Типологию уровней толерантности предложил В. Лекторский.

Первый, «толерантность как безразличие», предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана. Второй, «толерантность как невозможность взаимопонимания», ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым невозможно взаимодействовать. «Толерантность как снисхождение» подразумевает привилегированное в сознании человека положение своей собственной культуры, поэтому все иные оцениваются как более слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать. И, наконец, «терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог» позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога. Этот самый высокий уровень толерантности, к нему необходимо стремиться во всех взаимодействиях, он наиболее желаем для современной ситуации.

Едва ли можно возражать, что четвертый подход к толерантности по отношению к традиционным религиям едва заметен в современном отечественном культурном дискурсе. Так, сам В. Лекторский, ограничивает возможность отношения к религии только первым подходом, поясняя, что мнения, по отношению к которым толерантность означает безразличие — это «религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д., поскольку их истинность никогда не может быть доказана».

Именно этому уровню толерантности в отношении к религии отвечает установка на «мировоззренчески нейтральное» преподавание религий. Нейтралитет здесь касается только многообразия религиозных позиций, каждая из которых предъясняется как недоказуемая и рассматривается извне, с высоты позиций доказательного знания, которое само в этом нейтралитете занимает господствующие высоты и выступает как предпочтительное мировоззрение. «Мировоззренческий

нейтралитет», таким образом, оказывается совершенной фикцией, поскольку с очевидностью формирует безразличное отношение к религии как недоказуемому и потому ущербному мировоззрению.

Вместе с тем, по верному замечанию В. Капустина, такой подход основан на разграничении частного и публичного права и означает ограничение религиозного мировоззрения в праве судить о содержании и смысле происходящих общественных процессов, вытесняя его в сферу частной жизни. А это есть уже проявление определенной интолерантности или толерантности в частичном смысле.

Современный подход, отвечающий идее толерантности высшего уровня, как гармонии многообразного, предполагает принятие носителей религиозного мировоззрения как равноправных участников диалога о судьбах мира и перспективах развития. Такой подход отвечает демократической доктрине и реалиям современности. Вопреки предположениям об «отмирании» религии, вопреки жесточайшему насилию над верующими и беспрецедентному диктату атеистической идеологии, сегодня в России большинство граждан придерживается религиозных мировоззрений: в совокупности верующие традиционных конфессий и верующие вне конфессионально составляют 86 %. Независимые социологические исследования дают согласованные цифры численности верующих или с симпатией относящихся к религиозным традициям граждан России

По данным масштабного исследования И.С. Рязанцева 8% — православные воцерковленные, 55% православные невоцерковленные (православные по самосознанию, но не практикующие церковную дисциплину), 33% положительно относятся к Православной Церкви и считают благотворным ее влияние на общественную жизнь России, и только 4% относятся к Церкви отрицательно.

Ни законодательство, ни современные научные знания в области культурной антропологии, психологии, социологии, геополитики не дают никаких оснований исключать носителей традиционных религиозных мировоззрений из сферы толерантности самого высокого уровня — четвертого в типологии В. Лекторского. В сегодняшнем обществе, однако, продолжает господствовать интолерантная установка в отношении к традиционным религиям. Она, в частности, проявилась в известном письме 10 академиков по вопросу о возможности преподавания православной культуры в школах России. Уважаемые ученые решительно отказали носителям традиционного, религиозного мировоззрения, принимаемого 63% россиян, в праве принимать участие в формировании мировосприятия новых поколений. Им, по сути, отказывают в возможности включиться в диалог в образующем поле культуры, участвуя в котором новые поколения будут осознавать содержание важнейших концептов, включенных в преамбулу Конституции РФ и составляющих основу национального самосознания, на котором базируется конституционный строй. Таких концептов, как «общая судьба на родной земле, почитание памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству,

веру в добро и справедливость, ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, мировое сообщество, исторически сложившееся государственное единство, суверенная государственность России, ее благополучие и процветание, принципы равноправия и самоопределения народов». Предполагается, что содержание этих концептов будет трактоваться без учета содержания, которое актуально для носителей мировоззрения, укорененного в традиционной религии. При этом важно понимать, что позиция, прозвучавшая в письме академиков по отношению к Православию, в реальности осуществляется и в отношении к другим традиционным религиям.

Низкий уровень толерантности в отношении к традиционным религиям проявляется в школьных учебниках. В доказательство приведу фрагмент анализа учебников по обществоведению, выполненный А.В. Ситниковым, кандидатом философских наук, и А.Ю. Соловьевым, главным специалистом Департамента образования города Москвы (электронная версия).

«Самый распространенный на сегодняшний день в российских школах комплект учебных пособий по обществознанию создан авторским коллективом под редакцией Л.Н. Боголюбова. Ядро этого авторского коллектива составляют люди, когда-то формировавшие курс советского обществоведения и позже разработавшие существующий образовательный стандарт по обществознанию. Этот учебный комплект постоянно переиздается и используется в большинстве школ нашей страны. Его тиражи насчитывают сотни тысяч экземпляров.

В учебнике для 8-9 классов¹ 52 параграфа, но нет ни одного параграфа, специально посвященного религии. Есть главы, посвященные «вечным вопросам», морали, добру и злу, долгу и совести, любви и семье. Ответ на все эти вопросы дается абсолютно без учета религиозных традиций и религиозной культуры, хотя очевидно, что и в прошлом нашего общества, и ныне все эти вопросы неразрывно связаны с религиозной традицией, а в России, прежде всего, — с православным христианством.

Веками наши предки находили ответы на все эти вопросы в Церкви, но об этом современные школьники из этого учебника ничего не узнают. В главе о правах человека есть параграф о духовной жизни и о свободе совести, где несколько абзацев посвящены религии, но речь в них идет исключительно о «гуманистическом смысле религии». И вот в чем он усматривается: «Наряду с традиционно верующими существуют верующие особого склада. Среди них немало высокообразованных людей, в том числе ученых-естественников, в сознании которых совмещаются научные представления о мире, стремление рационально осмыслить действительность с религиозными верованиями. Они признают существование не

¹ Боголюбов Л.Н., Иванова Л.Ф. и др. Введение в обществознание: учебное пособие для 8-9 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2001.

столько личности Бога, например, Христа, сколько некой высшей духовной силы, надмирового разумного начала — Абсолюта, который определяет наше нравственное поведение. Следовательно, верующие нового склада принимают лишь общую гуманистическую направленность вероучения, т.е. рассматривают религиозные нормы морали в качестве абсолютных ценностей» (с. 230).

Как видим, здесь вводится противопоставление «верующих нового склада» и «традиционно верующих». Первые — образованные, культурные, они не верят в личного Бога (особо подчеркивается, что не верят в Христа), но признают существование некоего надмирового разумного начала. Очевидно, что приверженцев таких псевдорелигиозных воззрений «нового склада» ни к одной из традиционных российских конфессий отнести нельзя. Ко второй группе верующих относятся все последователи традиционных религий России. О них говорится свысока и явно с некоторым пренебрежением — подразумевается, что это необразованные и, очевидно, бескультурные люди. Налицо проповедь неполноценности граждан по признаку их отношения к религии. Кроме того, это и невыполнение образовательных целей курса — о реальной религии, религиозных объединениях учащиеся ничего не узнают. Знания о социальной жизни подменяются их идеологической интерпретацией, которая и будет усваиваться школьниками. Дети из верующих семей будут оскорблены, причем не только православно воспитанные, но и выросшие в мусульманской или иудаистской семье». (Соловьев-Ситников — электронная версия).

Очевидно, что здесь мы имеем дело с третьим типом толерантности (по Лекторскому): толерантность как снисхождение высшего к низшему. В такой трактовке толерантность сродни пренебрежению.

Вопрос, который необходимо сегодня ставить в рамках программы толерантности заключается в том, как возможно сегодня движение в направлении к четвертому, высшему типу толерантности по отношению к традиционным религиозным мировоззрениям. — «Терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог» позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога. Необходимо развивать методологию педагогического диалога, в который традиционные религии включены как полноправные участники, и широко пропагандировать этот подход.

Культурные предпосылки для решения этого вопроса созрели в лоне отечественной цивилизации. Тяжкий опыт XX века не остался втуне. Те, кто сегодня под знаком псевдолиберальной идеологии стремится продолжать инерцию тоталитарного мышления, воспроизводит устаревшие стереотипы и не хочет заметить и по достоинству оценить результатов важнейшей духовной работы, которую совершила русская богословская и религиозно-философская мысль в вынужденной эмиграции, и верующие, действительно утверждавшие веру в добро под тяжелым прессом атеистического государства. Духовный и культурный синтез двух

потоков отечественной православной традиции, на который разделилась Русская Церковь в XX веке, интенсивно осуществляется на рубеже тысячелетий. Он, несомненно, принесет свои плоды после воссоединения двух православных юрисдикций — Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за рубежом. Все более заметным и продуктивным в самосознании народа и культурной элиты становятся понимание нашей цивилизационной традиции как «обновляющегося достояния» в единстве таких ее моментов как персоналистическая ориентация, культуросозидающая сила, вселенский смысл. Освоение этой культурной перспективы составляет важный ресурс формирования религиозной толерантности в современной России.

*М.В. Захарченко,
доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
истории педагогики СПб АППО*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии

www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»

www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.